

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Место встречи – детство

Владимир Леонов

Мой ломтик счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514888

ISBN 9785447476212

Аннотация

...а этот пес пах счастьем и улыбался. Да еще как! Он будто бы весь светился, так радовала его встреча с невысоким мальчуганом, замершим от удивления на крыльце. А когда он во всю ширину растянул свою пасть, показав все свои крепкие зубы, да вслед так быстро завилял хвостом, да так отчаянно, что перепуганные таким чудовищем, как им показалось, куры врассыпную, с сердитым кудахтаньем, смешавшись с обалдевшими гусями, вмиг исчезли с моих глаз.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Схватка	6
Глава 2. Встреча	11
Глава 3. Мама	17
Глава 4. Помывка	24
Глава 5. Рассказ папы	31
Глава 6. Смерть мамы	38
Глава 7. Победа дымка	40
Глава 8. Поход в магазин	45
Глава 9. Мышь	52
Глава 10. История смелой девочки	56
Глава 11. Приключения на заводе	61
Глава 12. Зеркало	66
Глава 13. Сюрприз	70
Глава 14. Арина	78
Глава 15. Дерево Дружбы	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Место встречи – детство

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Еще в детстве, мальчишкой проживая в крохотном селении у опушки леса, я представлял свою родину *Россию* как сказочную страну. В каждом доме затерянного поселочка держали собак и топили печки, а вокруг собирались обитатели дома, чтобы поговорить *за жизнь*. В доме потрескивали поленья в печи и незримо присутствовала мудрость – на душе было нежно и все время это безбрежное чувство родины.

Вот так, мальчишкой, я представлял себе *Россию* — край, находящийся в центре Земли, где даже войны и бедствия не могли убить мудрость...

И у меня была своя мудрость, один необычный друг, который просто восхищал меня своей жадой жить, жить радостно и весело.

Мой друг из далекого детства и он же учитель – собака Дымок...

Глава 1. Схватка

Я до последнего дня своей жизни запомнил вечернюю схватку Дымка с кавказцем...

Огромная, с плотной и глубокой шерстью, эта собака неожиданно выскочила из кустов перед нами, когда мы с Дымком неторопливо шли по улице. Был она с другого поселка и правило местных собак о том, что нельзя нападать на человека с собакой, не знала.

Я вскрикнул от страха, невольно попятился, загородив лицо руками. И вдруг услышал громкое злобное рычание, шум борьбы. Открыв лицо, я опешил: моя дворняга, моя веселая и добродушная собака, захлебываясь от ярости, впилась мертвой хваткой в агрессивного кавказца. Она защищала меня! Она рисковала своей жизнью, она ценила мою жизнь дороже своей собственной.

Кавказец валял Дымка, как щенка, но тот, захлебываясь кровью, вскакивал, и снова кидался на него. Казалось бы, огромный сильный кавказец, больший по размеру в два раза, весь покрытый шерстью, которую тяжело прокусить, имел огромное преимущество. Но Дымок, весь порванный, истекая кровью, раз за разом бросался на него, и в его решительности была самоотверженность, смелость, верность хозяину.

И я, мальчишка, понял, в чем сила Дымка. Он готов был умереть за жизнь мою, даже пусть это был его последний

бой... И кавказец это почувствовал. Я увидел его недоумение и замешательство. Он был сильнее и, хотя очень устал, все еще был опасен. Дымок просто ошеломил его, тот не был готов драться на смерть, а для Дымка это была не просто драка. Он отдавался ей весь и готов был погибнуть, но спасти хозяина, своего кумира, своего лидера

В тот момент я понял силу Дымка – она была в решимости умереть, он готов был заплатить за любой свой бой жизнью, именно это и давало ему раз за разом победу!

Я помню, как кавказец, отступая, отошел за кусты. Дымок не стал преследовать его. Он посмотрел на меня. Как сейчас, я помню этот взгляд, в его глазах не было злобы и ненависти. Но я прочитал там непреклонное намерение, с которым он и побеждал.

Я был свидетелем этой фантастической демонстрации силы духа. Никогда не сдаваться. Никому. И препятствия не в счет – ни большие, ни маленькие. Мощь собачьей воли просто потрясла меня. Я помню, как помимо воли у меня вырывалось тогда: «Дымок, ты велик»...

А в его глазах читалось мне: *«Бороться надо всегда, слышишь мальчик? Всегда. И прежде всего – с самим собой. Со своими страхами и слабостями. Бороться стискивая кулаки, плача от ран, глотая слезы, улыбаясь через силу. Стремись к тому, что ты хочешь, что можно назвать мечтой, смыслом и целью. До конца. Всегда.*

Ты должен верить в себя даже тогда, когда в тебе сомне-

вается весь мир!»

Он не говорил ни слова... но по глазам видна была бесконечная преданность и верность до последнего вздоха... Мой друг и мой защитник. Я для него – его жизнь. Его любовь. Его вера. Он будет служить мне беззаветно и никогда не отступить, защищая мою жизнь.

«Как ангел ты меня оберегаешь,
И правда... что мне все мои враги,
Когда я знаю – рядышком шагают
Четыре лапы у моей ноги!»

Я подметил у Дымка три правила, которые позволили ему быть непобедимым в этой неравной схватке. Звучит это странно, но именно моя собака показала мне на практике законы, применяя которые я, уже будучи взрослым, одерживал победы, ощущал вкус радости и счастья

Эти правила универсальны и применимы в повседневной жизни. Это правила эффективного действия.

Три правила Дымка

1) Если есть возможность ввязаться в драку, выбор только один – надо обязательно ввязаться!

Если есть возможность действовать, надо обязательно это сделать. Чтобы это правило работало, вы должны точно знать, чего хотите. Когда объект вашего интереса появляется на горизонте, нужно начать действовать.

Абсолютно все равно, что именно является предметом ва-

шего интереса. Главное, как только в зоне вашего внимания появляется интересующий вас объект, надо обязательно действовать

Например, *завязать разговор, представиться, позвонить, спросить то, что вам нужно и так далее.*

Очень ценен сам настрой «всегда действовать», даже если задача кажется трудной. Если вы сделаете это своим жизненным правилом, люди, которые вас окружают, сформируют в своей голове ваш образ – смелого, уверенного в себе человека.

И это будет заслуженная оценка, так как это правило вырабатывает в вас черту победителя!

Помните о том, что когда нужно действовать, не время думать – Действуйте и не Медлите!

2) Драться до победы, со всей яростью, вкладывая все свои силы. Столько, сколько нужно. Если понадобится, то до смерти!

Не сдавайся там, где сдаются другие и победишь там, где победить нельзя!

Если за каждое дело вы беретесь именно с таким настроем, ваша победа становится просто реальностью. Я одержу победу или умру. Этот настрой будет обеспечивать вам господствующую долю победы.

3) Решение должно быть действительно принято серьезным образом, оно должно быть для вас ценным, если вы готовы поставить на нее свою жизнь. Не шутите со своими ре-

шениями! Если решение принято, то оно должно быть осуществлено. И цена не имеет значения.

Даже если страшно и заканчиваются силы. И хочется все бросить, действуйте так, как будто это ваше последнее дело.

Вывод!

Все закончится хорошо. Это чистая правда. Если вы верны своему решению и смелы в своем действии, все закончится даже лучше.

Именно эти три правила никогда не подводили мою собаку: доверие, верность, любовь – все в одной собаке Именно их прошу и вас, читатели, запомнить.

Доверие, верность, любовь!

«Я приду к тебе на помощь.
Я с тобой пока ты дышишь.
Было так всегда, ты помнишь,
Будет так всегда, ты слышишь»

Важно, чтобы вы понимали, что действовать нужно не с агрессией, а с любовью. Повседневная жизнь – это не драка! Тем не менее, это непреклонное намерение победителя вам очень поможет в повседневной, мирной жизни.

И еще одну мысль мне подарил Дымок, я вспомнил ее много лет спустя: *только об одном можно в жизни жалеть – о том, что ты когда – то так и не рискнул!*

Глава 2. Встреча

Прозвали меня в нашей деревушке «Вовка – морковка», а некоторые ребята, чтобы сильнее подразнить меня, громко добавляли еще: «...и красный арбуз». Вот и получалась обидная для меня кличка: «Вовка – морковка, красный арбуз». Не мальчуган, а фрукт какой – то. Хотя и было мне по возрасту восемь лет, и в школе отличался хорошей учебной, и учительница всегда ставила меня в пример, но с друзьями у меня как – то не ладилось. Чуть – что, сразу «Вовка —морковка...».

Вот и грустил я, друзей не имел, и все свободное время проводил в своем дворике. То дрова рубил, то молоко в масло сбивал... Словом, или я находил работу, или она меня. Просил папу хотя бы собаку мне подарить, как – то веселей было бы, но отец только хитро посматривал искоса и отмалчивался.

Был у папы с мамой свой домик с печкой, огород рядом, а во дворе, огороженным забором со старыми в трещинах досками, какая только живность не водилась

Здесь и два розовощеких поросенка, и с толстыми боками корова Маша, и нежная телочка Соня, и важные гуси, не спеша ковыляющие на своих коротких ножках, да еще неприступные драчливые индюки, которых я боялся как черт креста.

Ну и, конечно, куры. Каких только цветов: и серые с темными пятнышками, и черные с белесыми нитками, и коричнево – желтые, и белые, и даже огненно – красные. От этой пестроты у меня в глазах порой зайчики бегали.

А как только я выходил во двор с ведерком зерна, то казалось целый оркестр во двор заглянул. Галдеж куры поднимали такой, что собаки в соседних дворах пугливо поджимали хвосты и исчезали, на всякий случай (береженого бог бережет), в своих перекошенных будках. Бежали куры стремительно, будто в гоночных бегах участвовали, тесня друг друга, наступая на ноги, сбивая кого – то на землю, подминая. Пыль клубилась, как дым из хорошей печки.

Я заблаговременно опрокидывал этой голодной ораве ведро с пшеном и пулей взлетал на самую высокую ступень крыльца – я хорошо запомнил, как однажды попутно вместе с зерном куры начали клевать пальцы моих босых ног. Словно крупный град пробарабанил по ногам, остались от такого нерадивого поведения кур шрамы на пальцах.

Вот и на этот раз, в солнечный летний день, я стоял на крыльце и наблюдал, как полчища ненасытных кур выбирали своими крепкими клювами последние зерна из земли.

Как вдруг раздался звон щеколды, открылась с дребезжанием и скрипом несмазанных петель калитка и во двор вбежала собака. Невысокого роста такая, с короткой черной шерстью, местами облезлой, с кривыми короткими лапами.

Словом, так себе. Среди других собак я бы не выделил ее – красотой не блистала, это уж точно.

Но какой был веселый этот пес! Светились радостью черные глаза, смешно свисал набок длинный розовый язык, а куций, совсем голый хвост крутился, правда – правда, как юла.

Остановился пес, так что лапы уперлись в землю. Замер, словно уперся в стену, а потом неожиданно улыбнулся во всю собачью пасть. Улыбка словно говорила, как хорошо собаке, как нравится ей мой двор. Ее задорное, смеющееся лицо было направлено ко мне. Именно мне она говорила, как рада встрече.

Я видел деревенских собак только издалека, они мне казались всегда ворчливыми и грозными, а этот пес улыбался. Да еще как! Он будто бы весь светился, так радовала его встреча с невысоким мальчуганом, замершим от удивления на крыльце. А когда он во всю ширину растянул свою пасть, показав все свои крепкие зубы, да вслед так быстро завилял хвостом, да так отчаянно, что перепуганные таким чудовищем, как им показалось, куры врассыпную, с сердитым кудахтаньем, смешавшись с обалдевшими гусями, вмиг исчезли с моих глаз.

– Вот тебе и подарок, сынок: теперь этот пес твой, как ты и просил, – голос отца, показавшегося в калитке, словно приободрил пса.

Не успел я и сообразить, а пес, повиливая хвостом и улы-

баясь, уже взлетел на ступеньки, с радостью подбежал ко мне, поднялся на задние лапы и начал облизывать мое лицо своим шершавым теплым языком. Его веселые глаза смотрели на меня, словно он подтверждал, что я его хозяин, что он хочет от души этому порадоваться. Его передние лапы острыми когтями царапали мне грудь, а задние топтались на моих босых ногах.

Но я не чувствовал боли, радость переполняла меня – это мой пес! Он такой живой и по – детски смешной и озорной. А пес с благодарностью, что я искренно рад ему, слизывал с моих щек капельки соленого пота, а может быть, это были слезинки радости.

– Ты моя собака! – закричал я от восторга. – Ты мой настоящий друг!

Наверное, в жизни я еще не произносил слова с такой значительностью, что даже отец поднял руку в знак восхищения.

– Ну как, дружище, назвать тебя? – произнес я вслух. Пес словно понял меня, поднял уши торчком и внимательно посмотрел мне в глаза, словно говоря:

– Это ты вовремя говоришь, мой мальчик! Мне, как и любому существу на свете, хочется, чтобы ко мне обращались по имени.

В голове у меня все так перепуталось, что я уже и не мог долго думать, поэтому сказал имя, которое первое пришло на ум. Видимо, серо – голубой оттенок шерсти вытолкнул

из меня это слово.

Но я не просто назвал имя, я дал псу понять, что хозяина надо понимать и слушаться, а то будет разброд между нами: – Ко мне, Дымок. Рядом. К ноге.

И пес послушно опустил передними лапами на ступеньки. Так и застыл – подогнутые задние лапы и выпрямленные передние. Словно мои команды были для него обычным делом, он слушался меня долгую собачью жизнь

Папа поднялся по ступеням, улыбнулся, как я понял, и мне и моему четвероногому другу, в его глазах светилось удовольствие:

– Ты рад этому псу? – спросил он добродушно меня. – И как ты назвал его?

– Дымок!

– Что ж, легкое и веселое имя, вполне подходит такому жизнерадостному псу. Отнесись к нему как к настоящему другу. Люби его, ухаживай за ним, не обижай. И тогда пес будет предан тебе, делить вместе с тобой и радости и печали.

Дымок понимал наш разговор. Он внимательно переводил свой взгляд то на меня, то на папу. Одобрение читалось в его глазах. Он опять улыбнулся, широко растянул пасть, что не выдержал и громко чихнул. Словно человек. Я и папа, не удержавшись, вместе сказали ему: « Будь здоров!» и, посмотрев друг на друга, разом рассмеялись. А пес Дымок словно подыгрывал нам, вся его физиономия говорила: «Что, хорошо вам со мной, правда? А будет еще смешнее!»

И как не полюбит такого озорного пса с его развитым чувством юмора?

И пусть видом он не был красавцем, и пусть все ребра можно было посчитать, настолько кости выступали, да еще и плешивость – шерсти местами не было – бросалась в глаза, но лишь взглянешь на его веселое и добродушное лицо, и сразу кругом все становится светлее и радостнее.

– Итак, начнем знакомится с моим миром, моей деревней, – сказал я Дымку. – Посмотрим, что ты скажешь после прогулки.

Я спускался первым, пес шел следом, шаг в шаг – вот такое было у него воспитание.

Глава 3. Мама

Стоял жаркий июль. Солнце заливало землю, словно огнем. Деревня казалась вымершей: ни людей, ни собак. Все попрятались от духоты и жары.

Только мы с Дымком, две единственные фигуры в дневном свете, не спеша шли по улице.

– Дымок! Рядом со мной! – отдавая команды псу, я внутренне переживал, а поймет ли он. Но это был умный пес. Чуть прибавив шагу, он поравнялся со мной и топал своими лапами в такт моим шагам. Лицо его выражало гордость: еще бы, он не бездомная шелудивая собака, он не ничейный пес, у него есть хозяин, а, значит, и дом.

По дороге я посматривал на дома, а вдруг кто – то из мальчуганов увидит меня с таким радостным псом, да еще прилежно выполняющим мои команды, и тогда ему станет плохо от зависти. Ох как мне сладко стало от такой мысли – закончилось мое одиночество, и вся моя печаль позади.

Глядя с умилением на пса, я рассказал ему, почему нашу деревню называют Боровое, как долго здесь я живу с родителями. Думая, что ему будет интересно знать поподробнее обо мне, поведал ему о своей кручине: о кличке «Вовка – морковка...», о мальчиках, насмехающихся над моим прозвищем, и о девочке с дальнего двора, с которой мы незаметно от других убегали в лес и играли там.

Еще я рассказал ему, какие хорошие люди живут в деревне, они с утра до вечера работают: пилят деревья, везут на наш маленький завод, делают различную мебель. А по выходным собираются вместе под зеленой листвой дубов на окраине деревушки, поют песни, танцуют, жгут костры. Нам, детворе, так весело проводить время с ними.

– Но ты не бойся, я тебя никогда не оставляю, будешь всегда со мной на этих веселых праздниках, – так я утешал собаку. – Ты же теперь мой настоящий друг!

Говорил я псу о моей детской радости, о том, как я люблю вечерами гонять лошадей вместе с конюхом, дядей Григорием, в «ночное». Это когда я верхом на лошади ехал вперед, к зеленым лугам, а дядя Григорий подгонял коней сзади. А потом мы стреножили коней, пускали их к травам, а сами разжигали костер, и я до утра слушал занимательные истории доброго старенького конюха.

– И тебя я буду брать с собой в «ночное», – наклонялся я пониже, чтобы пес слышал лучше, – станешь стеречь лошадей, чтобы они не разбегались.

Дымок, размеренно шагая рядом, кивал головой – или от движения или от согласия – но я считал, что он все понимает и ему радостно, что я делюсь с ним своими мыслями.

Потом я объяснил псу, какой замечательный у меня папа, какую радость доставил мне, когда понял мою мальчишескую печаль о настоящем друге, и подарил тебя, Дымок.

– Ты, конечно, еще маленькая собака, но это для меня

к лучшему, — сказал я Дымку. — За тобой надо ухаживать, воспитывать, обучать. Значит, я буду много занят, у меня не останется времени грустить. А это так здорово!

Дымок понимающе взглянул на меня и весело завилял хвостом. Пес покачивался на своих коротких лапах, смешно переставляя их. Местами потертая кожа так блестела на солнце, что у меня рябило в глаза. Короткий, облезлый хвост крутился как пропеллер. В общем, и некрасивый, и урод уродом, но мне он казался самым лучшим псом, я полюбил его всем детским сердцем.

Вот так, беседуя с псом по душам, мы незаметно приблизились к заводу, на котором наши папы таскали деревья к большой электрической пиле, забирали после распила доски, складывали их в штабеля. А наши мамы сидели в конторе, писали бумаги, подсчитывали и контролировали, как их мужья выполняют план. Вот такое распределение труда видел я. И полагал, что это правильно и хорошо. Мужчины должны делать тяжелую работу, чтобы их жены были счастливы.

Заводик по всему периметру был огорожен штакетником. Мы остановились около ворот. Я предупредил Дымка, чтобы он вел себя тихо, не лаял и не бегал. Словом, был скромным. Потому что здесь взрослые занимаются серьезным делом, отвлекать их нельзя. И еще потому, что на деревне у меня был свой авторитет: все считали меня работающим и исключительно покладистым, дисциплинированным мальчиком.

Я попросил Дымка взять с меня пример, во всем слушаться меня, как я слушаюсь взрослых. Я говорил ему, что на заводе постоянно промышляют кошки, поэтому вести надо себя воспитанно, не ввязываться с ними в драку; а еще надо держаться подальше от собаки Ника, большой, с густой шерстью, кавказской овчарки, которая охраняет территорию заводика. Пока я раздавал практические советы Дымку, он все время смотрел мне в глаза, даже хвостом перестал вилять и, прошу вас верить мне на слово, он понял все от начала до конца. И в этом я могу поклясться!

– Не двигаться, – отрывисто скомандовал я, берясь за ручку ворот, ведущих во внутрь заводика. – Сидеть, пока я не вернусь или не позову тебя.

Это надо было видеть мне: пес тут же сел на задние лапы и застыл в повиновении.

На заводике я хотел увидеть маму и рассказать ей о нежданно – негаданном подарке папы – хотя я и подозревал, что без согласия мамы папа бы не решился на такой поступок – и как я безмерно рад псу, которого назвал ласково Дымок.

Мама работала в конторе за столом, писала какие – то бумаги. Сидела ко мне спиной, и не слышала, как я вошел.

– Мама! – радостно воскликнул я.

Она вмиг обернулась, красивая нежная улыбка осветила ее лицо. Она раскинула руки, я подбежал и обнял ее.

– Как я соскучилась по тебе, сын! – целуя мои щеки, про-

изнесла она мягким грудным голосом. – Как раз думала о тебе!

– И я тоже рад видеть тебя, мама! – произнес дрожащим от волнения голосом я. – Вот хочу поделиться с тобой радостью.

– Что за радость? А ну – ка говори быстрее! – поторопила меня мама.

– Папа подарил мне собаку! – воскликнул я радостно – возбуждено. – Она такая умная и красивая, ну прямо вылитая ты!

Мама встала со стула. Сейчас она напоминала мне молодую яблоньку, такая же высокая и стройная.

– И ты действительно счастлив? – спросила с улыбкой она. – И если это так, то мы с папой очень – очень рады за тебя. Береги собаку! И как ты назвал ее?

– А ты не будешь смеяться надо мной? Скажешь, сын ты уже большой, а имя даешь какое – то детское. Неужели нельзя выбрать посolidнее?

– Нет, нет, Вова, это твоя собака и ты волен сам выбирать ей имя, – успокоила мама. – Ну же, говори!

– Я назвал собаку Дымок!

– А ты знаешь, очень красиво звучит! Такое ласковое, оно словно греет, от такого имени исходит тепло.

– Мамуля, ты у меня самая лучшая в мире! – восторженно выпалил я. Крепко обнял маму и поцеловал ее руки.

– Сынок, я знаю, как тебе нужна эта собака, но и ты нужен

Дымку. Помни об этом. И где же твой пес?

– А вот смотри, как он слушает мою команду! – Я подошел к двери конторы, вышел на крыльцо и позвал: – Дымок! Ко мне!

Сидевший неподвижно и наблюдавший в открытые ворота внутреннюю жизнь заводика, пес взметнул уши торчком, кивнул головой снизу вверх в знак понимания, нетерпеливо чихнул и побежал, смешно перебирая лапами, к конторе.

Подбежал ко мне, ткнулся в ноги, словно говоря: «Мальчик, я с тобой»; вслед за мной вошел в здание и, уловив движение моей головы в сторону мамы, положил морду и лапы ей на колени, доверчиво и весело глядя в глаза.

Мама не ожидала такой прыти от Дымка, рассмеялась этой забавной проказе пса и ласково потрепала его щеки.

– Ну что ж, вот и познакомились! – сказала она. – Знаю, что назвали тебя Дымком, мне нравится такое имя. Надеюсь, будем с тобой дружить!

Пес смотрел на маму. Растянул в радостной улыбке пасть, замахал приветливо коротким куцым хвостом. Пес понимал, что он произвел нужное впечатление. И мама поняла, что он умный пес.

– И вправду, ты пес – умница! – с удивлением проговорила мама. – Теперь твоя бездомная жизнь закончилась. Жизнь бродячая, лишенная спокойствия и сытости. В этом можешь не сомневаться. У тебя есть дом, есть хороший добрый хозяин, вот этот мальчуган, мой сын!

Дымок завилял хвостом — все — все он понимал.

— Добро пожаловать, Дымок, в наш дом! — закончила мама. — Живи сам радостно и приноси радость нам!

Глава 4. Помывка

После посещения заводика и знакомства Дымка с мамой, мы вернулись в наш уютный дом. Я решил навести псу чистоту и блеск, как и подобает собаке с хорошими воспитанными манерами. Отчистить! Отмыть! Убрать противный запах! Придать свежесть!

Во дворе дома папа соорудил самодельный душ. Поставил на столбах на высоте бочку, врезал внизу бочки кран. Набери воду из шланга в бочку, вода под солнцем нагревается, открывай кран и льется теплая, а порой, и просто горячая вода.

Я завел Дымка под душ, повернул кран, полилась нетопливыми струйками теплая вода. Пес отфыркивался, крутил головой, но видно было, как нравится ему эта водная процедура. Я несколько раз намыливал кожу собаки и кое – где сохранившуюся шерсть хозяйственным мылом, смывал водой. В самом конце я помыл Дымка ароматным шампунем. Пес не рыпался. Не вырывался. Мытье явно было ему по нраву. Он легко улыбался, а его хвост чем – то напоминал короткий поливочный шланг – так он умудрялся им разбрызгивать воду.

Вот я закончил мыть собаку, насухо вытер ее двумя полотенцами. Теперь предстояла самая сложная и кропотливая работа – расчесать всю свалявшуюся шерсть, распутать каж-

дый плотный колтун. Я взял в руку большую расческу, которой папа чесал овец, и начал старательно наводить порядок на теле пса. Как ему нравилась эта процедура, ведь он чувствовал как легко начинает дышать тело, поэтому только повизгивал, и извивался от удовольствия.

Мне казалось, что со временем из меня выйдет неплохой парикмахер, так уверенно я держал расческу и осторожно, не причиняя боли псу, распутывал шерсть.

И все время, пока я придавал достойный вид Дымку, я не переставал с ним разговаривать. А он внимательно слушал, не перебивая своим рычаньем, и только напрягал спину, чтобы я хорошенько расчесал его. Я старался объяснить, как я вижу нашу дружбу. Но сначала затронул вопрос, как я понимаю, не очень приятный псу.

– Вот смотри, у меня есть семья, есть мама и папа, которые очень любят меня и всегда обо мне заботятся. А у тебя семьи нет, нет дома, не помнишь ты ни мамы своей, ни папы. Бездомный и можно сказать – безродный. В общем, сирота конченная, круглая. Не познал ты ни любви, ни ласки, ни заботы.

Дымок мотнул головой, было такое ощущение, что мои слова причиняют ему страдания. Затем собака подняла глаза, казалось, в них блеснули едва заметные слезинки. Ее взгляд говорил мне, что наконец – то в лице этого мальчугана, так заботливо работающего над созданием ее престижного внешнего вида, она нашла человека, который понимает,

как непросто ей жилось на белом свете и который жалеет ее.

Подбодренный участливым взглядом дворняги, я продолжил:

– А вот друзей у меня нет. Настоящих. Мои сверстники любят подшутить надо мной, обидную кличку на всех перекрестках деревни кричат. Ты же еще не слышал?

Дымок покачала головой, давая понять, что не слышал; затем задумчиво уставился в землю, пытаясь понять, как это неприятно, когда у тебя есть такое прозвище.

– Поэтому я считаю своими настоящими друзьями только маму и папу, но они взрослые и не всегда меня понимают, да и времени на меня у них почти нет – работа, большое хозяйство дома, вот и трудятся с раннего утра до самого позднего вечера. Я стараюсь им не мешать, лишний раз не попадать на глаза.

Пес вскинул торчком уши, выгнутые широкие брови выразили удивление: так много работают родители? И не устают?

– Конечно, мой милый пес, в нашей семье выпадают свободные часы, когда мы все втроем садимся за столом, кипит самовар, ароматно пахнет испеченными мамой булочками, и разговариваем, рассказываем смешные истории, забавляемся играми в лото, порой – картами. Самое приятное для меня – когда мама садится поудобней на диване, открывает книгу со сказками и читает мне, а я мысленно переношусь в тот сказочный мир, воображаю себя героем, который спа-

сает заколдованную принцессу. И удивительное, всегда в моих представлениях рядом со мной находилась верная собака, поэтому, видимо, не случайно ты появился у меня, Дымок!

Дымок уставил на меня неподвижный взгляд, такой пристальный, словно что – то хотел сказать.

– Что ты хочешь мне сказать? – поинтересовался я.

Дымок все не сводил взгляда, все смотрел и смотрел.

– Думаешь, не случайно мы встретились? Думаешь, сначала я придумал тебя, а потом Бог исполнил мою просьбу!

Дымок все не сводил с меня напряженных глаз – чихнул раз за разом от волнения.

– Значит, ты согласен со мной? Что не случайно появился в моей судьбе? Как это здорово, когда мы вместе одинаково думаем!

В порыве детских чувств радости я крепко схватил морду пса обоими руками и расцеловал в чистые и свежие щеки.

Я оглядел пса со всех сторон. После водных процедур и расчесывания он выглядел на славу. Шерсть стал чистой и волнистой, такая шелковистая. Провел рукой по ней – ощутил приятную свежесть в ладони, словно я опустил руки в речку; шерсть мягко поддавалась движению пальцев, а затем выпрямлялась веером, когда рука продолжала движение вперед.

Выпирали из – под кожи ребра, пока Дымок был еще костляв, но я решил, что буду кормить его до отвала, скоро бока округлятся, и худоба исчезнет.

Вот только желтые зубы собаки мне не удалось хорошо почистить собственной щеткой — пес постоянно чихал, мотал головой.

И все ж Дымок выглядел теперь нормально, словно действительно побывал в собачьей парикмахерской и над его обликом трудились самые искусные мастера. Он это понимал, весело скалил свои кривые зубы, несколько раз потряс художочное тело, будто демонстрируя мне свою ухоженность. Даже маленький хвост как — то приободрился, встал торчком и не спеша, так с ленцой, качался из стороны в сторону. Глаза собаки смотрели с прищуром из — за солнце, а потому взгляд его казался и озорным, и плутоватым.

Можно было запускать Дымка и на смотрины, и на конкурсы, и в дом. Запах бездомной собаки, такой вонючий и противный, исчез. Теперь Дымок в прямом смысле благоухал ароматами мыла, шампуня, зубной пасты. До чего же мне было приятно видеть результат моих стараний, да и Дымку надо выразить благодарность: вел себя достойно, не вырывался из рук, не лаял, не извивался, словно в лихорадке. Лишь иногда, когда моя расческа грубо впивалась в его шерсть, задевая кожу, он глухо ворчал. Так ворчать дедушки, когда внуки слишком расшались.

Во двор вошел папа.

— Папа, папа, посмотри на Дымка. Как он выглядит?

— Просто как новенький! — папа широко улыбнулся мне и Дымку. — Глаз не оторвешь. Прямо красавец.

Дымок понял, что папа оценил его внешний вид как образцовый, значительный, и улыбнулся в ответ. А затем вразвалочку подошел к нему, ткнулся носом в ноги и прилег.

— Как пахнет от него ароматно, словно он купался в ванне с хорошим одеколоном, — отметил папа, почесывая собаку за одно ухо. Дымок поднял морду, посмотрел с благодарностью ему в глаза.

— Папа... — я набрался храбрости и повел разговор. — Я здесь говорил с Дымком...

— Как? Что это значит — говорил с собакой... — рука папы замерла на спине пса.

— Да, я считаю, что Дымок все хорошо, по человечески понимает, он с таким интересом слушал мой рассказ о нашей семье... Вот такой случай произошел, может быть, ты подробнее поведаешь мне и Дымке, о маме, о себе, о том, как вы нашли друг друга.

Папа молчал, задумчиво машинально продолжил гладить собаку. Я чувствовал, что он в нерешительности.

— Папа, пожалуйста, расскажи, — просил я, — мне уже восемь лет, у меня теперь есть друг, мы должны знать все о нашей семье.

Меня неожиданно поддержал Дымок: он посмотрел на папу и несколько раз толкнул носом его ноги: давай, не бойся, действуй, мы пойдем.

Папа протяжно вздохнул, нагнулся к собаке и сказал, сказал именно ей, а не мне:

– А ты действительно умный и любознательный пес, с тобой приятно общаться, но ухо надо держать востро!

Затем он перевел взгляд на меня.

– Так и быть, расскажу. Только давайте перейдем в тень, вон туда, где яблонька и стол со скамейкой.

Я и папа сели на скамейку, Дымок положил голову ему на колени.

– Вот и хорошо. Теперь мы удобно расположились, слушайте меня внимательно.

Глава 5. Рассказ папы

– Мама твоя, сынок... – начал папа. Дымок от внимания наострил уши. – Мама твоя была легкая и озорная. Очень любила веселиться, петь песни и танцевать. Хоть кого рассмешит, вызовет улыбку и увлечет потанцевать. А голос у нее был просто бархатистый, когда она запевала, кажется, даже ветер смолкал, чтобы услышать песню твоей мама.

Волосы у нее были черные с синим отливом, луч солнца упадет и заискрятся распушенные по плечам волосы, будто радуга высветилась.

– А у меня волосы светлые, не такие как у мамы, – сказал я.

– Подожди, подрастешь... – успокоил папа.

– Уж очень любила твоя мама природу, пропадала маленькой в лесу, на огорожке выращивала ...все подряд. Ее мама, твоя бабушка Маша, не могла нарадоваться на дочь, помощницей росла. Она даже одну яблоньку, которую посадила твоя мама, назвала ее именем, яблонька Зина, мы как раз сейчас под ней сидим.

Дымок от нетерпения начал перебирать лапами, я положил руку ему на голову, давая понять, что надо вести себя тихо и не отвлекать папу от рассказа.

– Еще мама твоя, будучи маленькой, очень любила бегать, соревноваться хоть с кем. Никто из сверстников не мог ее

обогнать. Как сорвется вперед со старта – поминай как звали, она уже на финише.

– Папа, папа, а ты вспомни, я тоже люблю бегать! Всех школьников обгоняю на уроках физкультуры, мне учитель всегда пятерки ставит. Вот мои одноклассники дразнят меня обидной кличкой, а я им отвечаю, что они просто слабаки и лентяи, и обзывают меня потому, что завидуют моей силе. Думаю, что они ведут себя как жалкие еще не оперившиеся птенцы.

– Как ты сказал? Неоперившиеся птенцы! Ну ты даешь, Володя, – изумленно произнес папа и невольно рассмеялся. Дымок приподнял морду от неожиданности, улыбнулся папе, говоря: «Мой хозяин знает дело, верно говорит».

Папа кивнул головой псу в знак согласия. И на минуту умолк.

– И что дальше? – я напомнил ему, что надо продолжить рассказ.

– А как она готовить. У нее все спорилось в руках, хотя до стола еле дотягивалась. Это бабушка твоя, сын, приучила ее вкусную еду стряпать. С куском мяса мама твоя обращалась как настоящий мясник на рынке, все особенности знала мяса и беглым взглядом могла отличить бедро от шейки, заднюю часть от передней. Так готовила жаркое, что гости тарелки досуха выедали. Еще она научилась консервировать любые овощи, откроешь банку, например, с огурцами, такой аромат, как будто только с грядки сорваны.

– Ой, правда! Такие вкусные... – вставил слово я. Дымок выжидающе посмотрел на меня, словно спрашивал: «А мне дашь попробовать». Угадав его желания, я легко потрепал Дымка под шеей, кивая головой в знак того, чтобы он не беспокоился – до пуза будет кушать. Хотя потом подумал. «А вообще – то собаки едят огурцы и помидоры?»

– Твоя мама в детстве любила всякие истории о древности и сказки. Она не засыпала, пока твоя бабушка не прочитает ей интересный рассказ. Просто обожала слушать сказки. Особенно приключения, чтобы переживать вместе с героями. – Папа кивнул мне головой, точно говоря, что и сам он увлекался такими историями. Дымок лениво потянул морду, жмурясь, как мне было понятно, от удовольствия, что он сейчас посвящен в самые трогательные семейные традиции.

– Еще очень любопытное для тебя. Твоя мама с раннего детства увлеклась астрономией. Выучила все небесные планеты, звезды, созвездия. Знала их расположение на ночном небе и мгновенно могла распознать. Она знала так много историй о звездах и небе, что могла рассказывать хоть всю ночь. Вокруг нее постоянно толпились подростки и галдели как вороны, прося ту или историю поведать. А уж рассказчик она отменный. Заслушаешься. —Папа здесь зажмурил глаза, как бы слушая маму, качнулся несколько раз из стороны в сторону, выражая тем самым согласие с собой. Я представил себе звездное ночное небо, такое яркое и такое далеко. Скосил глаза на пса. Тот дремал, уставший после отмывания

и убаюканный равномерным голосом папы. Но ушки были наострены, и во сне он продолжал с удовольствием слушать.

— Она такая чистюля. Увидит пылинку, здесь же за тряпку, до блеска начищает. В доме всегда уют и свежесть, ты же знаешь, как рано встает мама, чтобы навести порядок, приготовить нам завтрак. Не отпустить тебя в школу, пока не убедится, что рубашку проглажена, свитер и брюки без пятен и не помяты. А прежде чем лечь спать, она обязательно промочет все комнаты, подметет пол, аккуратно расставить сковородки, кастрюли. Сама одета всегда как с иголочки, вся ее одежда подобрана со вкусом, подогнана под стройную фигуру. Везде у нее порядок, каждая вещь на своем месте. Иногда мне кажется, что мы с тобой живем в каком — то сказочном домике, настолько приятно и легко в нем дышится, словом, мама твоя — ну просто золотце. — Папа растянул неторопливо последние слова, словно наслаждаясь высказанным. Я уже видел маму в красивом цветном летнем платье, легко и весело возвращающейся с работы. Дымок, видимо, почувствовал мое возбуждение, пошевелился и его хвост оказался на моих ногах. Он словно подпитывался моим радостным состоянием и успокаивал меня:» Мальчик, я с тобой, вот тебе мой хвост в знак дружбы».

— Мы никогда не ссоримся с мамой, — чуть с хрипотцой продолжил папа, — характер у нее мягкий, покладистый. Она не умеет кричать, визжать, как делают другие женщины. У нее нет истерик, с ее уст никогда не сорвется неугодно бранное

слово. Увидит, что я нервничаю или не в духе, улыбнется так широко и произнесет спокойно: «Мир выжил, потому что улыбался и не огорчался». Ну как после этого не поцеловать твою маму и не объясниться в который раз ей в любви. — Кажется, голос папы зазвенел, как колокольчик, который на шее нашей коровы Маши, такой маленький, мелодичный. Дымок поднял заспанную морду с колен папы и разинул пасть, улыбаясь и выражая тем самым свое согласие с ним. Папа потрепал пса за шею, Дымок ну просто залился удовольствием от такой неслыханной ласки: зажмурил глаза, повел круглым носом, несколько раз ударил по моим ногам хвостом, как бы говорил: «Вот малыш, бери пример с отца, уж как такие ласки мне приятны!»

— И потом, мама очень любит тебя. Они так мечтала о ребенке. И когда ее спрашивал, мальчика или девочку хочется ей, она отвечала, что счастье не зависит от пола, а только от сердца, которое у тебя внутри. Когда родился ты, я думал, что ты попал в рай, мама окружила тебя такой заботой и любовью, что твое маленькое сердца питалось это материнской силой. И рос ты умненьким, смышленным мальчиком, веселым и радостным. Это тебе передалось от мамы, а ты потом передашь своим детям — так и будет храниться традиция нашей семьи: счастье, радость и любовь. А теперь еще и прибавление в нашем семействе, — папа погладил Дымка по голове, — стало больше на одну радость и одну любовь. Не правда ли, милый пес? Этот милый пес неожиданно под-

нялся, положил передние лапы на грудь папы и начал так быстро – быстро водить своим розовым языком по его лицу. И как после этого не утверждать, что пес – то действительно ну просто умница!

– На этом хватит на сегодня, мне надо управляться по хозяйству, – поднялся со скамейки папа, – мама скоро придет, подумает, что мы с тобой лентяи.

Под впечатлением услышанного, и чтобы не позабыть эту историю, я решил записать ее, оставить память об этом прекрасном дне. Вряд ли папа снова повторит этот рассказ?

– Дымок, за мной, – приказал я псу, – пошли в дом. – Собака вильнула хвостом, подтверждая, что все поняла и пошла следом за мной.

Пройдя в свою комнату, я изложил на бумаге все, что рассказал мне папа, стараясь не пропустить ни одного слова. Потратил я на это часа два, но зато здорово получилось, слово в слово. Как будто это и сам рассказывал.

– Так, Дымок, к ноге, ложись рядом, – я поманил пса пальцем к себе, он послушно приблизился, уткнулся носом в мои ноги и прилег. – Слушай, я буду читать, но не перебивай меня!

И я стал читать Дымку свои записи. Сначала неуверенно, запинаясь, комкая слова, а потом, раз за разом, мое чтение становилось все более ясным и четким. Сколько раз я перечитывал, уже и не вспомнить. Я выучил текст наизусть, буквально назубок. Дымок все это время терпеливо лежал у ног,

не шевелясь и не ворча, как я и просил его – вот уж пес так пес, просто загляденье. Уши торчали, иногда как антенны, двигаясь из стороны в сторону, чтобы лучше слышать.

А я хотел очень порадовать маму: как только она придет с работы, я крепко – крепко ее обниму и наизусть расскажу эту прекрасную историю.

Глава 6. Смерть мамы

Только одного мне не рассказал папа: у мамы было большое сердце. Когда она решила родить ребенка, врачи предупреждали, что у нее слабое сердце, и оно может не выдержать. Однако мама не испугалась. Вот такая она была смелая – и я появился на свет... Но сердце ее стало болеть сильнее. Я замечал, что мама неожиданно бледнела, начинала тяжело и прерывисто дышать, но всякий раз успокаивала меня, что просто она перетрудилась и у нее закружилась голова. Я этому верил и не задумывался, а почему мама иногда плачет потихоньку...

Мы с Дымком были в доме, когда вдруг около дома раздалась тревожные голоса, забегали люди, папа быстро выскочил на улицу и вместе с двумя женщинами побежал в сторону заводика.

Беспокойно стало у меня на сердце, словно обручем сжало его. Что – то с мамой? Дымок неожиданно вскинул голову и потихоньку заскулил. В доме повисла тревога.

– Дымок, за мной, побежали за папой, – закричал я. – надо быстрее на завод, что – то случилось с мамой.

Мы выскочили из дома, быстро скатились по ступенькам, и по пыльной, изнывающей от духоты улицы, помчались туда, где работала мама.

Когда я и Дымок, проскочив ворота завода, очутились

около конторы, было уже поздно... Моей мамы не стало, она умерла прямо в конторе от внезапно сильного приступа сердечной боли.

Папа еще успел, он увидел маму в самые последние секунды жизни, она прижала его руку с груди, тихо – тихо молвила: «Береги сына...». И красивые ярко – голубые глаза мамы закрылись навсегда.

Вот так в один день я приобрел настоящего друга, услышал прекрасную историю и потерял маму...

Рассказ папы, мною записанный, навсегда остался со мной и во мне... Много – много раз потом я пересказывал его наизусть Дымку, моим новым друзьям, и самой красивой девочке, которую я встретил благодаря Дымку: она очень – очень была похожа на мою маму.

О, если бы я знал, о чем думал в эти скорбные дни для меня мой милый пес, я бы, преодолевая свою боль и горечь потери самого родного человека, расцеловал бы Дымку во все щеки! А о чем размышлял пес, я узнал спустя некоторое время...

Глава 7. Победа дымка

Так мы и остались втроем: я, папа и Дымок. Как – то чувствовал себя сиротливо наш милый дом, в котором раньше всегда царила чистота, пахло вкусно мамиными оладушками и наваристым борщом.

Через несколько дней после похорон мамы я вышел вечером во двор. Небо было ясное, множество звезд, которые Творец зажег во Вселенной, чтобы люди не чувствовали себя одиноко, освещали мое грустное сердце. Ветер стих, тишина закутала вечер в свое бархатное одеяло. Я поднял голову вверх, звезды несли мне свет сквозь тайны веков и мироздания.

– Мама, – произнес я, будто она рядом, вот здесь, около моей правой руки стоит, – я знаю о тебе прекрасные истории. Мне о них рассказал папа. Он как будто знал, что ты покинешь нас и был необычайно рад, что сумел объяснить мне, какая ты была удивительная и очаровательная, как ты любила меня. Он очень по тебе тоскует, и я тоже тоскую. Мы всю жизнь будем помнить тебя – я обещаю.

Я договорил, просто постоял немного. Мне казалось, что звезды и планеты услышали меня, и расскажут где – то там, на небесах, как маму любим я и папа, да и, конечно, пес Дымок!

Я иногда просыпался среди ночи и казалось мне, что го-

рит на кухне свет, его маленькая полоска пробивается через полуоткрытую дверь, и звучит там мягко и певуче голос мамы, моей самой лучшей мамы на свете. А потом я уходил в сон, и утром я делился этой новостью с Дымком. Пес внимательно слушал мой сбивчивый рассказ, смотрел ласково мне в глаза, словно хотел подбодрить, утешить.

Спал Дымок на специальном коврике, который папа постелил у входа в дом, вытянув передние лапы и положив на них голову с торчащими ушами. Но каждую ночь он тихо подкрадывался к моей кровати, и лежал там до утра, не тревожа мой сон. А как только появлялся первый луч солнца, Дымок поднимал свой нос, и также тихо отползал обратно к двери. Я делал вид, что не замечал его хитрости, не тревожил пса, не лишал его радости.

– Папа, я думаю, что Дымок не любить оставаться один, – сказал я. – Тоскует он. Давай перенесем коврик к моей кровати. Но папа был неумолим, наотрез отказался это делать.

– Собака должна знать свое место, – ответил он, – она обязана охранять дом, а не быть куклой в твоих руках.

Я стал приучать Дымка кормить кур, гусей. Давал ему в зубы ведерко с пшеном, надо было видеть, как важно шагал пес по ступенькам, он чувствовал бремя ответственности и спускался осторожно, чтобы ни одно зерно не выпало.

При виде такого чудовища, так они представляли себе пса, куры и гуси притихали, свои разбойничьи повадки забывали. Стояли неподвижно и смотрели чуть поодаль, как Дымок вы-

пускал из своих крепких кривых зубов ведро, раскатывал его по земле, рыча и нагоняя страх на живность. Лишь когда зерно веером было рассыпано по двору, довольный своей работой, Дымок поднимал голову в мою сторону, ждал команду. Стоя на крыльце, я с тихим смехом наблюдал эту картину, а затем кивал головой и кричал: «Молодец Дымок! Ко мне, к ноге!». Пес во весь опор, радостный и счастливый мчался к хозяину, и тогда куриное сообщество и гусиное братство, издав торжествующие крики, набрасывались на еду.

Скоро стало ясно, что Дымок не любит одиночества. Это даже мягко я сказал – просто не переносит, ненавидит.

Случай тому представился сам по себе. Нам надо было с папой уехать на весь день к его сестре в другую деревню. Дымка, естественно, взять с собой не могли, оставили его дома под замком. Я заботливо поставил перед ним большую миску с водой и кастрюлю с пищей.

И что мы увидели, когда вечером переступил порог дома? Нашему огорчению не было предела: вода разлита по всему полу, кастрюля опрокинута, подушки с дивана и кровати разбросаны по всем комнатам, два горшка с мамиными цветами разбиты, а туалетная бумага длинной – предлинной белой лентой пересекала комнату по диагонали, как понтонный мост реку.

Хотели было ругать пса, накричать на него, но такая щедрая улыбка во всю морду, такое ласковое повизгивание, та-

кая бьющая фонтаном из него радость, что мы вернулись и он снова с семьей... и вместо наказания мы с папой весело рассмеялись. А пес уже без опасения подбежал к нам, плюхнулся на спину, открыл свое потертое местами и пожелтевшее брюхо, предлагая погладить это чувствительное его место. Что мы с папой с удовольствием и сделали.

В деревне в каждом доме держали собак. Собаки уже по много лет жили, узнавали друг друга по голосам, привыкли, пообтерлись, драк между собой не затевали. Нередко их спускали с цепей, и они носились по улицам, поднимая клубы пыли, чихая от него и отплеываясь. Но как поведут они себя, когда среди них появится чужак, посторонняя собака? А ведь некоторые были очень внушительные по размерам и весу, с толстой шеей и густой шерстью. Враз могут подмят нашу дворнягу, да еще и покусать!

Вот почему пока я не отпускал Дымка со двора, всегда держал калитку закрытой. А когда покидал дом, то закрывал его в доме. После того случая, когда он учинил настоящий погром, я попробовал его привязать. Но не в доме, а во дворе. Папа к тому времени купил ошейник и железную цепь. И мы думали, что теперь не будем неудобств с Дымком – привязал к металлической стойке и никуда он не денется.

Однако Дымок оказался хитрее, чем мы с папой могли предполагать. Расчет Дымок делал на собачью природу. Если одна собака где – то завоет, то в знак поддержки, откликнуться обязательно все другие собаки, которые услышат вой.

И вот привязанный Дымок начинал выть. Сначала тихо, прислушиваясь к реакции других собак, а потом все увереннее и громче. Он выл и выл, скулил и скулил, и все собаки деревни подхватывали его завывание, одна за другой, словно передавая друг другу эстафету. Поднималась настоящая какофония. Вся деревня выла, стонала, рычала. А наш хитрюга Дымок замолкал, словно говоря, а я здесь не при чем. А звуки такого собачьего воя ни один взрослый не выдержит... Посыпались папе жалобы, потом угрозы, или заставь собаку замолкнуть, или забросают ее палками и кольями. Что даже хотели вызвать милиционера и наказать папу за то, что его собака нарушает общественный порядок.

Одним словом, Дымок одержал вверх над нами с папой — мы поняли, что его нельзя оставлять одного.

— Дымок не хочет оставаться один, — сказал я папе. — Вот в этом загвоздка. Если мы его любим, считаем членом семьи и не хотим потерять, придется ходить вместе с ним. — Так я подытожил наш разговор. Папа уже не мог сопротивляться, ему порядком надоело объясняться.

И только я понимал хорошо, что терзает Дымка. Одиночество. У него разрывалось сердце от одиночества. А уж я — то испытал на себе, что такое оставаться одному.

Глава 8. Поход в магазин

Итак, Дымок уже не оставался один. Куда бы я не шел, он бежал рядом, все видом выражая свое удовольствие: веселая, озорная морда, чуть высунутый розовый язык, короткий хвост покачивался в такт движения. Весь облик свидетельствовал о том, что Дымок не какая —то там дворняга захудалая, а настоящий домашний пес со своим хозяином и местом в доме, сытной едой и водными процедурами.

– Дымок, сегодня идем в магазин, – поглаживая пса за шею, заговорил я, – будь умница, прохожих бесцеремонно не обнюхивай, собак держись подальше, а в магазине ни – ни, ни шагу от меня, – вот такие наставления получил от меня Дымок, пока мы выходили со двора.

Сельский магазин представлял собой небольшой деревянный домик, снаружи обшитый досками, раскрашенными в алэповатые цвета: огненно – красные, ярко – желтые, бледно – серые, зеленые, как тина в болоте, оранжевые, словно нос пропойцы. Поговаривали о нечистой силе, которая враз за одну ночь темные, местами погнившие доски, раскрасила в столь броские цвета. Как бы там не было, после той ночи никто не решился смыть краски. Даже сам глава поселка, по отдельным сведениям, узнав о происшедшем, перекрестился в темном уголке, затем плюнул несколько раз через левое плечо и пробормотал:» Ну лукавый, и поддал ты

нам перцу, и за какие – такие грехи?». А не получив ответа от лукавого, усмотрел в этом некий тайный смысл и приказал доски не менять и краски не соскабливать.

– Держать тебя на поводке я не буду, – разговаривал я с Дымком по дороге, – пес ты умный, и как всякий умница дорогу людям будешь уступать, приветливо смотреть на них, в ссору не ввязываться, повод для скандалов не подавать. – Дымок топал рядом, нос крутился у него по сторонам, приносясь к дразнящим собаку запахам, хвост поднят вверх от напряжения и напоминал ствол молодого зеленого деревца. При моих словах он поднял морду, весело открыл пасть, будто говорил: «Не волнуйся, мальчик, все будет в порядке, я еще тот пес, который и умен, и вежлив, и покладист. Что – что, а ссоры затевать не в моем собачьем характере!».

Угадав его ответ, я спокойно вздохнул и мы не спеша по летней улице приближались к магазину. Только одна собака повстречалась нам по пути, и то она остановилась поодаль, внимательно смотря нам вслед. Среди собак деревни существовало неписанное правило: если собака на улице не одна, а с хозяином, то к ней не подходит, отношений не выяснять, не рычать и вообще вести себя тихо, неприметно.

Встретились нам несколько человек на улице, Дымок добродушно помахал им коротким хвостом в знак приветствия, чем привел прохожих в веселое настроение.

Вот и магазин, вверху на широкой доске надпись «Прод-

маг», а рядом с входной дощатой дверью какой – озорник прибил небольшой лист фанеры с надписью: « Проси мало, денег давай больше, уходи быстро». Глава поселка махнул рукой на это, усмотрев в очередной раз проделки того самого, лукавого, а посему указал лист не снимать и силу нечистую не бередить.

Еще магазин примечателен был тем, что возле него стояло несколько скамеек, врытых в землю. Люди шли в магазин не просто купить продукты, а еще новостями поделиться, пошептаться о чудесах, которые происходят в деревне, нарядами покрасоваться, поэтому скамейки не пустовали, на них всегда кто – то сидел. Тем более в летнее теплое время, когда сама природа настраивает людей на общение, разговор по душам.

Вот и на этот раз скамейки напоминали поле, засеянное разноцветьем. Сидевшие на них женщины, оживленно обсуждавшие последние события в деревни, спасались от жары, повязывая на головы ситцевые косынки, цвета и узоры которых как раз создавали впечатление луга с его травами и цветами. Тем более головы сидевших склонились друг к другу, чтобы, не дай тебе бог, что – то упустить или не рассказать, отчего вид поля или луга становился значительней.

Мы с Дымком приблизились к скамейкам. Как по команде женщины замолчали, разом одновременно подняли головы и во множество глаз уставились на нас. Я – то понимал, в чем дело столь странного поведения – новый для них объ-

ект в поле зрения возник, это событие, выходящее за пределы обычного круговорота событий. Значит, новые мысли, предположения, догадки, и так и этак можно истолковать, кто на что горазд. Пища для разговора на несколько дней. Как здесь сердечку не забиться посильнее!

Я незаметно толкнул Дымка в бок. Давая ему понять, что покажи самое лучшее свое воспитание, не ударь лицом в грязь. Дымок, ах приятно, когда твой пес – умница, все понял правильно: « Это деревенское вече, если оно примет меня благосклонно, то авторитет хозяина и мой, соответственно, поднимется в разы. Так что пес, действуй!»

И пробил час Дымка! Потом еще долго в деревне судачили да рядили о чинных и благопристойных манерах «милого пса» – так прозвали мою собаку с легкой руки этих женщин.

Дымок присел на задние лапы, вытянув до хруста свои передние, подбоченился, гордо этак поднял голову, наострил уши, даже плешивость как —то затерялась на общем фоне грациозности и телесной стати собаки. Под солнечными лучами окрас шерсти приобрел привлекательный голубоватый цвет, местами переливаясь как цветное стекло. Чтобы не испортить своим коротким голым хвостом наружной прелести, Дымок умело запрятал его под задними лапами. И, конечно, непревзойденная улыбка дворняги, чистая и широкая, во всю пасть, обрушилась с силой водопада на добрые женские сердца!

И видят изумленные посидельцы скамеек, женщины

в простых ситцевых косынках, величественного импозантного пса, веселого и ласкового, во всей своей красе представшего перед ними, словно перед строгим жюри на конкурсе собачьей красоты. Не успели они еще и охнуть, толи от бесцеремонного нахальства Дымка, толи от его белых крепких зубов, светящейся улыбки и красивой фигуры, как мой пес, не давая передышки своим неожиданным зрителям, встал и вразвалочку, смешно переставляя кривые ноги, затрусил к сидевшим.

Вот он подбежал к одной из них, трогательно так, аккуратно мягко опустил голову на колени, и направил на женщину свои лучистые глаза, наполненные такой детской искренностью и вместе с тем беззащитностью, что она невольно нежно улыбнулась, потянула пса за морду и расцеловала в пушистые, ароматно пахнущие щеки, воскликнув: «Ну какой же красавец, просто милашка!».

Пришли в движение и остальные женщины, каждой захотелось приласкать Дымка, прошептать что – то теплое в ушко, потрепать за шею. Дымок наслаждался своим триумфом. Можно было смело утверждать, что еще ни одна собака деревни не удостоивалась такого неподдельного восхищения взрослых.

Дымок переходил из рук в руки, клал на колени каждой свою светящуюся морду, посматривая весело в лица женщин и получая от каждой массу комплиментов. Одна из них протянула Дымку конфетку «Дунькина радость» – круглая как

шарик карамель, залитая липким сахаром.

И здесь возник конфуз. Дымок неожиданно потрянул головой, стиснул зубы... Женщина едва ли не обмерла. Вытянули головы другие: «Что с собакой!». Даже я на секунду струхнул: «Все пропало, не пора ли убежать?». Но надо было знать натуру Дымка! Он верно рассчитал эффект от следующего шага!

Дымок повернул голову в мою сторону. О, какое оно было плутоватое! Взгляд его сразу приободрил меня:» Мой мальчик, все в порядке. Я же должен, как воспитанный пес, спросить у тебя разрешения!». Я произнес громко и, как мне показалось, твердым повелительным голосом:

– Бери, Дымок!

И, выполняя мое распоряжение, Дымок пошевелил носом, втянул в себя аромат конфетки и медленно теплым языком слизал ее с руки женщины, а затем, усиливая значимость своей персоны, несколько раз провел им по ее руке, выразив тем самым свою признательность. Все женщины захлопали в ладоши, кричали, перебивая друг друга: «Ай да псина, ай да молодец! Вот бы нам такого на старости лет заиметь и скучать бы не пришлось!».

А одна из них возьми и крикни так испуганно – жалостливо:

– Ой, какой же он доходяга, вон кости все светятся. Женщины, давайте подсобим, откормим сообща этого милого пса!

И показалось мне, что женщины стали в этот день бесребренниками: они доставали из сумок, сеток, авосек только что купленные продукты, протягивали их мне, прося обязательно принять угощение и откормить пса, чтобы он стал породным, а то похож на доходягу. Отказываться было бесполезно: на деревне так не принято, дают всегда с чистым сердцем. Передо мной выросла гора продуктов. Уже было не до магазина.

А Дымок стоял в стороне, так ехидно улыбался, словно говорил мне: «Мой мальчик, со мной не пропадешь. Всегда кусок хлеба добуду, это у меня в крови!»

Вот так и закончился наш поход в магазин. Возвращались мы с полными сумками продуктов. Дымок нес в зубах две авоськи.

Глава 9. Мышь

Все дома было бы спокойно, все шло прекрасно... если бы не мыши.

В деревенских домах, как правило, водятся мыши. Есть чем полакомится серой твари в погребах, на кухне, в отходах. Отъедают себе брюхо, затем с неприятным скрипом тащат его по полу. Потому в каждом доме держат кошек, и зачастую не по одной.

У нас дома как – то с кошкой не сложилось, да и мыши вроде бы вели себя неприметно. Так, проскочит иногда по комнате и быстро юркнет в свою заприметную щель. Ни запаха, ни противного звука. Одним словом, до появления Дымка мышам в доме жилось вольготно.

А вот с Дымком все оказалось по – другому: беспокойство причинил он и нам с папой, и мышам.

Как на беду, когда Дымок лежал на своем коврикe у порога, одна мышь решила проскочить комнату от одной стены к другой. Жалко потом было ее!

Дымок увидел мышь и с неожиданной прытью рванул за ней, забыв свое чинно – благородное воспитание. В доме все враз пришло в движение. От ласкового пса и следа не осталось.словно угорелый, звонко и отрывисто лая, он носился за бедной перепуганной таким чудовищем мышью. Я видел не Дымка, а шерстяную ракету, со невероятной ско-

ростью пересекающей комнату. Лапы Дымка разъезжались по чистому ровному полу, словно он бегал по льду. Его заносило на резких поворотах, крутило по полу, но он вскакивал и отчаянно гнался за сером перепуганным маленьким существом.

Мышь пищала, она потеряла ориентир, запуталась, в какой стороне находилась ее спасительная щель. Скользнула под диван, рассчитывая на узкую щель между полом и днищем дивана. Но какая она была легковверная. Такое препятствие только не для Дымка – он просунул нос, затем морду, приподнял диван, грозно рыча в темное пространство. Мышь рванула из – под дивана, на мгновение опешила от яркого света, приостановилась. Но этой секунды было достаточно для Дымка. Он прихватил ее своими крепкими зубами, и очень аккуратно, не давал ей выскользнуть, но и не душил окончательно, оставляя в зубах вполне живую мышь.

Папа, сидевший за столом, просто закричал, как кричат азартные болельщики на стадионах:

– Впервые в жизни вижу, чтобы собака ловила мышей! Ты у нас просто отличительный пес, Дымок!

– Да, папа, просто замечательный пес, особенный! – с гордостью поддержал я его.

А Дымок стоял на месте и победоносно крутил хвостом. Мол знайте наших, не лыком шиты!

– Я думаю, сын, у нашей дворняги предки были когда – то борзые, – задумчиво проговорил папа. – У меня сложилось

впечатление, что Дымок – прирожденный охотник.

Дымок тем временем подошел к папе и, подтверждая догадливость его слов, как и полагается собаке – охотнику, поймавшей дичь, положил мышь к его ногам. Почувствовав на мгновение свободу, мышь заскребла лапками по полу, надеясь дать деру, но Дымок был начеку – все – таки охотник, – положил лапу на ее тонкий, похожий на серую нитку, хвост. И улыбнулся папе. Так гордо и славно.

Папа почесал затылок, посмотрел на меня, перевел взгляд на Дымка. Я и пес молча смотрели на него. Понимали, что папа принимает какое – то решение.

Затем он произнес добродушно:

– Давайте отпустим мышь!

Я и Дымок кивнули головой. Папа наклонился, осторожно взял мышку за хвост и, пройдя комнату, открыл дверь, выбросил ее на улицу.

Папа вернулся к нам в комнату. Мы сидели и каждый думал о своем. Я говорил маме, как будто она присела рядом:

– Знаешь, мама, тебе бы очень понравилось приключение Дымка, как он ловил мышь, даже диван поднял. Было так смешно, ты бы смеялась и смеялась... Еще одна история с нами вышла, когда мы с Дымком пошли в магазин. Ты бы, наверняка, гордилась нашей собакой, ты же ее полюбила.

А потом я начал жаловаться маме, что мне одиноко без нее, нет друзей, кроме Дымка. Но ведь хочется иметь еще и настоящего человеческого друга, такого же по возрасту,

как и я. Никто не хочет дружить со мной, бояться, что я какой – то предатель, доносчик, сразу буду рассказывать взрослым о проделках. Словом, бояться каких – то придуманных неприятностей. Вот только мне приятно общаться с девочкой Настя, ее прозвали Настюшко – брюшко. Может потому, что она постоянно что – то ест. Но, мама, она еще мала, всего четыре годика, ни о чем серьезном с ней не поговоришь.

Под конец размышлений я обратился к Творцу, попросил его просмотреть за моей мамой, поселить ее в хорошем домике и непременно с лужайкой, чтобы она, как и в нашем дворе, могла сидеть на зеленой траве.

А Дымок положил голову на вытянутые передние лапы. Закрыв глаза. Я думаю, что он вспоминал свое красивое детство, свою ласковую маму и смелого отца – настоящего борзого пса. Как он погиб, защищая от разъяренного кабана своего сына, Дымка, который впервые вышел с ним на охоту... Как потом не могла перенести трагедии его мама, утром ее обнаружили мертвой. Как неожиданно исчезли хозяева, бросив щенка Дымка одного...

Тихо посапывал пес, убаюканный своими воспоминаниями. Закрыв глаза и я – пришла ночь.

Глава 10. История смелой девочки

Утро выдалось пригожее. Теплое, солнечное. Небольшой ветер приятно освежал лицо. Мы шли с Дымком на лесопильный заводик, где еще недавно работала моя мама.

Я решил показать псу самое достопримечательное место в нашей деревне. По дороге рассказал ему, что давным – давно на месте нашей деревни шумел дикий лес, и ничего тут, кроме болот, комаров и непроходимых кустарников не было. И еще летали какие – то огромные птицы, что могли не только поцарапать человека, но и унести его за тридевять земель и тридесять морей... Дикий край. Дикие звери.

– Представляешь, Дымок, даже медведи водились. Очень много! Ну просто великое множество! А давай я тебе расскажу одну историю, мне поведала ее еще бабушка.

Дымок приподнял уши. Я подметил, что он не прочь послушать разные там сказки, истории.

– Была я тогда совсем маленькая, отроду лет пять, – так начала свой рассказ мне бабушка. – Мой отец приехал сюда, чтобы построить завод, делать потом на нем разные деревянные изделия. И, между прочим, мечтал он изготавливать детские игрушки из дерева. И вот он построил маленький домик у леса, поселил меня там, а сам с лесорубами пропал весь день в лесу. Мама наша оставалась в другом городке, чтобы ухаживать за своей больной мамой, значит, за моей

бабушкой. Любила я читать, поэтому в домике было много книг. Как не звал меня папа съездить с ним в лес, я отказывалась – уж очень мне нравилось оставаться одной дома, сидеть за стулом с высокой спинкой, положив книгу на длинный деревянный стол.

Лето было жаркое, чтобы избежать духоты в домике, я открывала дверь и окна нараспашку. Так вот, сижу я, прильнув к книге, никого не вижу, не замечаю. Вдруг громадная тень упала на раскрытые страницы. Я вздрогнула, громко произнесла: «Папа, это ты?». Никто не отвечал. Тишина, никаких шагов я не слышала. Но тут я вдохнула странный запах, очень резкий и очень вонючий, он шел из – за моей спины.

На этом месте я прервал рассказ бабушки, наклонился пониже и несколько раз сделал сильных вдохов над спиной Дымка. От неожиданности дворняга даже попятилась: «Мой мальчик, с тобой все в порядке? Уж не спятил ты с ума?» – думаю, что именно так она и подумала.

– Не бойся, Дымок, умом я не тронулся, – весело произнес я в ответ чаяниям собаки, – просто хотел лишний раз удостовериться, что вонючий запах от тебя ушел. Пахнешь ты превосходно!

Дымок нетерпеливо посмотрел на меня, словно говорил: «Ну давай не тяни, мальчик, как раз самое интересное...». Даже переступил лапами, выражая свое нетерпение.

– Я не спеша подняла глаза, повернула голову, – продолжил я рассказ бабушки, – за моей спиной стоял медведь. Гро-

мадный такой.

Я снова прервал историю, но только для того, чтобы сказать Дымку:

– Был медведь раза в четыре больше тебя. Понял, какой громада. Ты перед ним, как та мышь перед тобой была.

Дымок сделал вид, что обиделся – сравнить его с мышей, и как, мол ты хозяин, до этой глупости дошел.

Я стал оправдываться, почувствовав, что задел Дымка за больное:

– Нет, Дымок, ты уж извини, меня. Я просто хотел на примере объяснить тебе, каких размеров был медведь. Ты не будешь сердиться больше?

В знак примирения Дымок подарил мне веселую улыбку, и я тогда продолжил рассказ моей бабушки.

– И вот мы застыли: я смотрю на медведя, он на меня. Медведь стал водить носом, принюхиваться. Я подумала, что съесть меня хочет, проверяет, вкусный ли обед выйдет из этой малышки. Я помертвела. «Все, вот и конец моей короткой жизни. Такой ужасный!». И вдруг стало обидно, это за что меня надо есть, что я плохого такого сделала? Нет, дудки, голыми руками меня не возьмешь, и не смотри, что ты такой громила. Я еще и покруче обламывала – это я для храбрости прибавила, чтобы не струхнуть окончательно. «А ну пошел отсюда, нехристь коварная» – как завизжала я своим детским голоском, подняла книгу... и бросила ее в медведя.

А читала я как раз «Доктора Фауста», остановилась на той

странице, где доктор Фауст отказывается прислуживать дьяволу Мефистофелю. Такая толстенная книга. И вот я ее и метнула в зверя...

Здесь я запнулся, как будто у меня от напряжения перехватило горло. На самом деле я решил разыграть Дымка.

Собака недоуменно остановилась, она как раз погрузилась в предвкушение развязки истории – съел медведь девочку или нет – а хозяин раскашлялся так не вовремя! Я симулировал сильный кашель, а Дымок сгорал от жгучего нетерпения, волчком закрутился на месте, лапами обхватил морду, и как человек, застонал от ярости. Я сообразил, что хватил через край, стало настолько жалко пса, что быстро пошел на попятную

– Все, все, Дымок, кашель прошел. Видимо, что – то попало в горло. Полный порядок.

Потрепал уши псу, Дымок притих и выжидательно стал смотреть на меня.

– Произошло самое невероятное, – продолжил я повествование бабушки. – Медведь поймал лапами книгу, кивнул головой и быстро исчез. Прямо взял книгу и убежал. С трудом люди поверили моей истории. Лишь когда папа подтвердил, что книга исчезла, стали доверчивее относиться к моему приключению. Медведя я больше не видела. Зато народ смеялся от души. Так, не злобно, подшучивал надо мной.

Бывало, остановить кто – то и так насмешливо скажет: «Мы сегодня увидели вашего эрудита – медведя. Он сидел

под деревом и держал в лапах раскрытую книгу. Внимательно читал, шевелил губами. Видимо, решил всезнайкой стать. Сказал нам, что сюжет замечательный, оторваться нельзя, еще на недельку задержит книгу у себя».

В конце бабушка так грустно мне сказала: « Сейчас, кроме меня, никто об этой истории с медведем и книгой не помнить, всех моих друзья, всех, кого я знала в юности, давно уже забрал к себе Бог. В живых осталась я одна, да и сама скоро помру...

— Вот такая история приключилась, Дымок, с моей бабушкой, — обратился я к собаке. — Было это очень давно. На том свете бабушка, на месте диких зарослей выросла наша деревня, а мой дедушка построил этот лесопильный завод. Все изменилось. Медведи ушли в глухомань, никто их не видел. Да и того медведя, с книгой, так же давненько нет в живых. Куда подевалась книга — этого никто не знает.

Дымок жалобно вздохнул, задела, видимо, его история маленькой смелой девочки, которая книгой спасла себе жизнь. Потом мудро кивнул головой, мол чего только в жизни не бывает.

Мы подходили к заводу.

Глава 11. Приключения на заводе

Перед тем, как пройти вовнутрь завода, я еще раз напомнил Дымку, что вести следует себя осторожно, норов свой не показывать.

– Здесь, Дымок, около пяти лет охраняет завод собака по кличке Ника. Большая такая кавказская овчарка. У нее серая густая шерсть. Иногда кажется, что туман клубится, если Ника бежит. Очень дрессированная сторожевая собака. С завода ни ногой, даже все ворота открой. Всегда начеку, на любой шорох уши вострит и глаза, кажется, никогда не закрывает. Иногда думаешь, а спит ли вообще Ника. Любого чужака за версту чует, так что будь с ней почтителен и любезен.

Дымок не пропускал ни одного моего слова, все запоминал, непрестанно кивая головой – мол, не парься хозяин, не надо много слов, все будет отменно.

Первым вошел я, следом протиснулся Дымок. Но не успел он еще задние ноги внести на территорию завода, а Ника уже мчалась со всех ног к нам, грозно рыча. У меня слегка дрогнули колена, захотелось броситься со всех ног назад, но было поздно. Ника рядом, пасть широко открыта, пенится рот. Я невольно поддался назад, закрывая лицо руками. И вдруг стало тихо. Я отвел руки и что я вижу – мой пес Дымок стоит рядом с Никой, морда его щурится от удовольствия, жи-

вот подтянут, хвост крутится весело туда – сюда. А славная сторожевая овчарка Ника весело смотрит на Дымка, все ее плотное тело слегка обмякло, пробегают по нему волна радости. Вот вам и встреча! Ника опустилась на землю, поджав под себя лапы. Дымок осторожно прилег рядом.

– Дымок, ты великолепен! – не удержался от похвалы я. – Я и не предполагал, каким ты можешь быть воспитанным!

Дымок не обращал на меня внимания, Но вот скрипнула калитка... Ника со всех ног помчалась к входу. Службу свою она несет исправно, как бы подтверждая незыблемость человеческого правила: делу время, а потехе час.

Дымок не огорчился, он и так получил, впервые наверное, за всю свою собачью жизнь внимание другой собаки. А это так дорого стоит!

Мы подошли к конторе, простому небольшому дощатому домику. Сторожит его бабушка Люба – полная высокая старушка с седыми завивающимися волосами. У меня с ней при первой же встрече, когда еще мама работала здесь, сложились дружеские отношения.

Уже вечерело, рабочие ушли с завода. Я постучал в дверь, бабушка Люба открыла и, увидев меня, радостно обняла. Дымок недовольно заворчал, в вечерней туманной мгле его фигура показалась бабушке Любе такой большой, что она вскрикнула с ужасом, буквально истошный вопль вырвался: «Медведь! Медведь!» И большая грузная женщина рухнула на пол, и, если бы я не подставил руки, то вряд бы пол вы-

держал такого удара.

– Что с вами, бабушка Люба? – тревожно спросил я.

– У нас на заводе медведь, быстрее закрой дверь, – пролепетала старушка.

– Откуда медведь? Где он?

– Там, за окном. – бабушка Люба дрожащим пальцем показал в сторону окна. Я проследил за движением руки и увидел за окном голову Дымка, который подпрыгивал, чтобы увидеть через окно комнату конторы.

– Бабушка Люба, да какой же это медведь? Это моя собака. Зовут ее Дымок.

– Это точно?

– Ну конечно же. Абсолютно точно. Это мой пес. Я его ни с кем не перепутаю.

Бабушка Люба все же поверила и, еще дрожа всем телом, начала подниматься. Я поспешил протянуть ей руку.

– Все чудесно, никакого медведя нет, так что не надо волноваться, – как мог успокаивал я старушку.

Бабушка Люба встала на ноги, как – то неловко стала терзать складки платье.

– Вот теперь ты будешь считать меня трусихой, – начала оправдываться она, – если не больше – едва ли не выжившей из ума старухой, которая не может отличить медведя от простой собаки.

– Что вы, бабушка, да я и сам бы перепутал в такой мгле собаку с медведем, – такой ответ привел старушку в полное

самочувствие.

– Позови свою собаку, я хочу с ней познакомиться, – сказала она. – Вполне возможно, что мы подружимся.

Я выскочил на улицу и тут же вернулся с Дымком. Пес радостно подбежал к бабушке Любе, подставил ей свой плешивый бок, старушка так радостно прыснула от легкой забавы пса и начала гладить его.

– Ого, какая прекрасная собака, ну просто чудо! – молвила трогательным голосом старушка.

– Да. У нее необычные способности.

– Совершенно удивительный талант. И как в такую собаку не влюбиться – сказала старушка и улыбнулась Дымку.

Дымок довольно вильнул хвостом и принялся обнюхивать старушечьи ноги в стареньких галошах, а потом растянулся у ее ног.

– А вы хотите быть нашим другом? – спросил я бабушку Любу.

– Конечно. Непременно!

– Тогда давайте дружить все вместе: вы, я и Дымок. Идет?

Бабушка Люба всплеснула руками, улыбка ее стала еще шире.

– Это так приятно для меня. Просто восхитительно. Приходите, хоть каждый вечер ко мне, я всегда буду рада вас видеть.

Я улыбнулся в ответ. Это так замечательно, что у меня появился друг, первый друг в нашем поселке. Дымок привет-

ливо помахал хвостом, ему тоже было хорошо, что и у него появился друг.

Глава 12. Зеркало

Время шло. Дымок окончательно обжился у нас. Исправно тянул на себе собачью лямку: быть помощником хозяину, расторопно управляться по хозяйству.

Когда приходило время кормить кур, гусей, уток и индюков, Дымок уже был начеку. Он подбегал ко мне, тыкался своим круглым носом мне в ногу и бежал к ведерку, которое стояло всегда в углу кухни. Брал ведерко в зубы и добродушно улыбаясь, весело повиливая коротким хвостом, направлялся к выходу. Мы заходили с ним в маленький амбар, который папа пристроил к дому, я насыпал в ведерко корм, и Дымок выбегал на улицу. Там его уже ждала голодная орава живности, но вела она себя спокойно, терпеливо ожидая, когда Дымок раскатает зерно по земле и отбежит. И лишь тогда птичья ватага приступила к еде. Дымок наблюдал со стороны, готовый в любой момент вмешаться и пресечь нарушение порядка.

Плешина на теле Дымка постепенно зарастала, шерсть стала сиять. Ребра исчезли, бока надулись, залоснились. Хвост незаметно покрасился тонким пушком, отчего светился, когда пес размахивал им. Лапы уплотнились, так крепенько смотрелись. Короче, собаку было не узнать – ну просто откормленный плотненький такой бычок. Ни дать, ни взять!

Дымок явно загордился своим новым внешним видом: по-

пробуй – ка прими его теперь за бродячую собаку.

Как – то случайно у зеркала, что висело в моей комнате, оборвалась нить, державшая его на стене. Я поставил зеркало на пол, вечером придет папа и приделает к нему новую веревку. Хотел было выйти, но мое внимание привлекло поведение Дымка. До этого пес спокойно лежал на полу, а здесь вскочил, подбежал к зеркалу и устоял в него не мигая. Он был ошарашен – откуда здесь еще одна собака. Словно негодовал:» Мой мальчик, ты предал меня? Завел себе нового друга? Это не по – мужски!». Весь вид пса говорил, что он просто так не уступить, не на того нарвались. Тело задрожало от напряжения, пасть грозно открылась, и Дымок зарычал, показывая неведомому врагу крепкие зубы. Хвост воинственно поднялся и застыл, как грозное оружие.

Дымок отскочил от зеркала, по – прежнему извергая грозный клич бойца, присел на лапы, вытянул шею. Я понял, что сейчас он ринется на зеркало, на это чудовище вражье, которое незванно – нежданно появилось в доме и хочет отнять у Дымка все его собачье благополучие: хозяина, сытую еду, теплый коврик, приятные прогулки по деревне. И снова он станет бездомной, неухоженной дворнягой! Нет и нет! Такого Дымок не мог допустить – или он уничтожить соперника или умрет в честном бою!

Я успел перехватить Дымка еще до того, как он намеревался ринуться на зеркало. Крепко прижал к себе, я ощутил, как быстро и горячо бьется собачье сердце, как захлебыва-

ется он в пене ярости, за друга, за меня. Он готов был вступить в любой бой, пусть даже неравный, где может погибнуть. Такая собачья преданность потрясла меня. Я задрожал, как дрожал и сам Дымок. Слезы выступили у меня на глаза, я гладил пса, шептал в уши ласковые слова, просил успокоиться: нет никакой другой собаки, виной всему зеркало, в нем его отражение.

– Ты мой самый лучший друг! – горячо и возбужденно нашептывал я псу. – Я тебя никогда не предаю, не поменяю на другую собаку. Прошу тебя, перестань злиться!

Постепенно мои слова и ласковый голос возвращали Дымка в прежнее состояние. Вот он прикрыл пасть, дышать стал ровно, хвост упал на пол, уши согнулись. Я поцеловал несколько раз его в щеки. Пес улыбнулся, начал слизывать с моего лица остатки слез. А потом затих, задремал у меня на руках, обессиленный внезапным чувством страха и агрессии. И я осторожно покачивался своим телом, убаюкивая Дымка, как младенца.

Когда Дымок пришел в себя, я убрал зеркало с пола на верхнюю полку. Решил не вешать на стене – слишком свежи были неприятные ощущения.

Папе, когда он вечером вернулся с работы, ни слова не сказал о происшествии. Дымок также не подавал вида, встретил папу весело, с улыбкой во всю пасть.

С той поры я убедился окончательно, что у меня появился настоящий друг, который защитит меня всегда.

А то злополучное зеркало так и осталось лежать на полке, я не повесил его на стену.

Глава 13. Сюрприз

Наше знакомство с бабушкой Любой, сторожем завода, получило свое развитие. Прощаясь с ней в тот вечер, когда мы договорились стать друзьями, я пообещал прийти с Дымком в ближайший выходной. Помочь в уборке конторы, повеселить забавами и проделками Дымка.

– Приходите непременно, – несколько таинственно проговорила старушка, – у меня будет для вас сюрприз.

Она знала, как найти подход к детскому сердцу. Сюрприз! Я только и ждал, когда же придет суббота, чтобы помчаться на завод. Видимо, мое волнение передалось и псу. Он внимательно посматривал на меня, чаще обычного чихал, и порой тянул меня за штанину в сторону завода.

– Подожди, Дымок. Время еще не пришло, – уговаривал я пса. – Вот наступит суббота, и мы направимся к доброй старушке.

Дымок не спускал с меня пытливого взгляда, словно говоря: «Что – то ты не договариваешь, мой мальчик? А ну откройся!»

Но я хранил загадочное молчание, чем приводил мою милую дворнягу в расстройство: она повизгивала, подвывала, запрокинув голову вверх. Я читал ее мысли: «Как всегда! На самом интересном – пауза!».

И вот пришло субботнее утро. Когда солнце осветило все

деревья и дома, мы с Дымком направились на завод.

Бабушка Люба уже ждала нас в воротах. Широко улыбнулась, обняла меня, а затем нагнулась вниз и щедро потрепала Дымка за округлившие щеки. Пес просто светился от таких ласок.

– А вот и моя верная подруга, – промолвила бабушка Люба. – Ника, ближе к нам, еще ближе!

Дымок вздрогнул при этих словах, радостно как – то всхлипнул и плавно, с рассчитанной грацией, потянул морду в сторону Ники. Кавказская овчарка весело скалила пасть, ровные белые зубы сверкали как грани алмаза, толстый лохматый хвост приветливо мотался на ветру. Вот она, легко и красиво подпрыгивая, приблизилась к Дымку. Обе собаки сблизили морды, потерлись теплыми носами.

– Ладно, пусть они поиграют, а мы пойдем ко мне в контору, – беря меня за руку, сказала старушка, – ты обещал мне помощь в уборке. У меня как раз что – то спина заболела, если нагнусь, то разогнуть меня можно только тяжело-весным краном, – весело закончила бабушка Люба.

Мы зашли в конторку. Действительно, непорядок бросался в глаза. Чего только не было на полу: и щепки от деревьев, и пожелтевший песок, и шелуха от семечек. А еще – пыль. Кругом пыль. Висела как паутина. Я даже несколько раз чихнул.

– Ты прости, что такой беспорядок, – начала оправдываться старушка, – я приболела, несколько дней не убирала.

– Да все это пустяки. Эко невидаль – грязь, – с уверенностью бывалого человека отрезал я. – Засучим рука, раз – два, и порядок.

Я открыл окна, свежий ветерок приятно пробежал по комнате, пахло свежестью. Бабушка Люба подала мне веник, стоявший около дверей, и я приступил к уборке. Подметал, скреб, отмывал мокрой тряпкой. Напевал какую – то веселую песенку, старушка любовалась мной, приговаривала:

– Ай, какой же ты удалец – молодец. Все спорится в твоих руках. Вот бы мама твоя видела, очень гордилась бы таким славным работающим сыном.

– Бабушка, а что делают Ника и Дымок? – поинтересовался я, смывая очередную паутину пыли.

Старушка просеменила к окну.

– Ника лежит на траве, животом вверх, а твой пес присел рядом и смотрит на овчарку, наверное, любит. Так хорошо им, вот бы люди так жили всегда в дружбе, – со вздохом закончила бабушка Люба.

Меня все подмывало спросить про сюрприз, ну просто распирало от неумемного желания. Это не ускользнуло от мудрых глаз сторожихи

– Не волнуйся! Сюрприз приготовила! Он здесь! – добродушно сказала она. Вот закончи уборку, осталось немного тебе, пригласим Дымка, и вы увидите.

Наконец порядок пришел в конторку. Все было отмыто, подметено. Пол чистый, без пятен, стены блестели, полки

приобрели прежний вид. Стекла в окнах я натер так, что они стали прозрачнее кристалликов воды. Розовые тряпичные занавески на них, после того, как я несколько раз прошелся по ним мокрой тряпкой, выглядели как из прачечной.

– Вот и славно ты потрудился, – буквально пропела трогательно – ласково бабушка Люба. – Зови теперь своего пса, будете смотреть сюрприз.

Я выскочил на улицу. Стоявший в это время в одиночестве Дымок ослабился, улыбнулся, громко чихнул и отчаянно завилял хвостом, говоря: «Ну где же ты пропал, мой мальчик? Мне так одиноко!» Как я сообразил, Ника покинула своего ухажера, так сказать, отбыла к месту своей постоянной дислокации, к воротам – видимо, кто – то пытался ненароком пробраться на завод.

– Ну что, мой милая дворняга, – обратился я как можно вежливее к собаке, – извольте проследовать за мной. Нас ждет бабушкин сюрприз.

Я открыл дверь конторки, как и полагается по чину, вошел первым, за мной перенес свое тело на пол Дымок. Посредине комнаты стояла клетка, а в ней, уцепившись маленькими крепкими коготками в прутья, повисло на стенках очаровательно упитанное существо с хитрой мордашкой. Хомяк! Настоящий хомячок! Я все ожидал увидеть, но только не это милое создание, вызывающее невольно улыбку и желание прикоснуться к нему, провести пальцами по мягким лоснящимся бокам.

Дымок остановился, настороженно всматриваясь в ранее неизвестное ему земное создание. Потянул носом, словно проверял, как оно пахнет, это маленькое толстенькое тельце. Остался довольным, запах не вонючий и не резкий. Значит, не бездомный. Это уже хорошо. Это значит, свой, домашний. Надо присмотреться, а вдруг подружиться!

Пока я любовался издали хомяком, а Дымок размышлял в нерешительности, бабушка Люба открыла дверцу клетки. О боже! Хомяк отпрянул от прутьев, быстро – быстро выскочил наружу, просеменил коротенькими лапками по полу прямо к Дымку. И, нисколько не пугаясь, взобрался по его шерсти наверх, уселся на голове и радостно так закрутился, попискивая от восторга. Дымок стоял неподвижно. Не шелохнувшись. Не вилял хвостом. Не улыбался. Не чихал. И даже пасть не открыл. Прямо – таки остолбенел от неслыханной наглости. От такой вопиющей бесцеремонности. Напоминал собой скульптуру из базальта.

А хомяк устроился поудобней, лег на свое желтенькое мягкое брюшко и начал лапками сучить шерсть Дымка, перебирая быстрыми движениями каждую шерстинку. Дымок ощутил, как тепло волнами прокатилось по его телу, приятно заныло под лопатками. Я увидел, как удовольствие отразилось на морде пса. Этот маленький безобидный хомячок нашел слабое место у собаки, ее темечко. Расчесывая в этом месте своими коготками шерсть, он доставлял Дымку полное наслаждение. Дымок осторожно опустился на пол, вы-

тянул голову вдоль передних лап. А хомячок продолжал перебирать и перебирать и на его голове каждую шерстинку, не обращая внимание на меня.

– Мой хомяк мастак заводить друзей, – тихо проговорила хозяйка, – зовут его Толстячок. Никто не может отказать ему в дружбе. Если бы его не было у меня, не знаю, как бы жила, ведь давно я одна.

Дымок лежал и улыбался во всю пасть. Хомячок так осторожно перебирал лапками шерсть собаки, что, посмотрев на него сверху, я и сам заулыбался во все свое лицо.

Спустя некоторое время бабушка Люба приблизилась к собаке, сняла своего Толстячка с ее головы и закрыла обратно в клетке. Хомяк плюхнулся на подстилку, как подрубленный. И здесь же тихонько засопел.

– Устал мой работничек, – с умилением произнесла хозяйка. – Теперь всю ночь спать будет.

Дымок, пошатываясь от перенесенных удовольствий, поднялся на ноги, морда была такая заспанная, добрая. Пес мотнул несколько раз головой, приходя в себя, подошел к бабушке Любе, доверчиво ткнулся в ее старенькие галоши. Выразил свою признательность.

– Какой же ты воспитанный пес! — в очередной раз не могла не удивиться она. – Вижу, вижу, понравился тебе мой Толстячок. Приходи почаще в гости, будем дружить!

Поблагодарив бабушку Любу за приятный сюрприз, мы с Дымком вышли из конторки и направились к воротам. Там

стояла верная охранница Ница. Она приветливо помахала нам хвостом, Дымок улыбнулся в ответ.

Выйдя из ворот, мы здесь же натолкнулись на Настюшко – брюшко. Она стояла посреди дороги, держала во рту булочку, в ее широко распахнутых глазах был виден страх.

– Почему ты испугана? – спросил я.

– Ника... я хотела войти... а она как зарычи... – сбивчиво, не выпуская булки изо рта, объяснила Настюшко – брошко.

Волосы Настюшко —брюшко были туго стянуты на затылке розовой лентой. Поэтому рыжий цвет волоса и розовый – ленты как – то произвольно вызывал добрую улыбку.

– Я видела твою собачку, – теперь девочка вытащила булку изо рта, – несколько раз ты проходил по улице с ней. Еще потом старушки около магазина любовались ею. Это мне моя бабушка говорила, она как раз все видела. Я тоже хочу такую собаку, но мама не разрешает. Она говорит, что если я буду хорошо вести себя, то может быть, купить мне хомячка, но только не собаку. И мне от этого грустно. Не понимают родители сердце ребенка! А можно мне погладить твою собачку?

– Погладь! Дымку будет приятно.

Настюшко – брюшко гладила пса так долго и ласково, что он даже прикрыл глаза, пустил слюну от удовольствия и едва ли не стал опускаться на землю. Здесь я вовремя ткнул его ногой.

– В августе, в конце, мне буде шесть лет, – сказала На-

стюшко – брюшко, – придут ко мне гости. Приходи и ты ко мне, вместе со своей собакой.

– Обязательно придем, – заверил я девочку.

– Только не забудь взять Дымка, ладно. Я хочу с ним по-дружиться – сказала обрадованная Настюшко – брюшко.

И мне стало так приятно – приятно на душе... У меня есть верный пес. Меня ждут на заводе. А там два друга – бабушка Люба и хомячок Толстячок. А сейчас еще меня позвали в гости, на праздник – впервые за мою жизнь в Боровом. Ну и что, пусть это будет пятилетняя девочка, и не важно, что надо ждать еще два месяца. Ведь главное, что теперь я не одинок!

Глава 14. Арина

Благодаря Дымку, я в это лето встретил красивую девочку. Звали ее Арина. Она была так прекрасна, что никто из мальчишек – забияк нашей деревни не решился дать ей прозвище.

Все обстояло следующим образом. Мы шли с Дымком в магазин. Пес неторопливо семенил рядом, весело скаля зубы. Настроение у нас было ну просто хорошее. Перед этим я под душем промыл хорошо Дымка, просушил феном шерсть, насухо вытер полотенцем. Мой пес просто благоухал свежестью!

Не успел я сообразить, как, увидев впереди пробегающую кошку, пес припустился во весь опор, свернул за ней на другую улицу и скрылся за густыми деревьями. Вот оказия! Куда делось вмиг благородное воспитание?

Я побежал за Дымком, увидел деревянную изгородь, за которой виднелся такой густой сад, что я подумал, а не в тайгу я попал? Бросилась в глаза открытая калитка. Скорей всего, Дымок там! Я приблизился к калитке.

– Дымок! Ты где? Ко мне! Быстрее! – кричал я во все горло.

Но пес как в воду канул: молчал и не появлялся.

Я постоял, переминаясь с ноги на ногу, тишина, собаки нет. Мне стало страшно – неужели я потерял Дымка?

И я прошел калитку и очутился в саду. Каких только деревьев, цветов и овощей здесь не росло. Но особенно выделялись необычные для этих мест, ярко – красные кусты багульника. Обычно растут они и цветут на сопках, в горах, видел я их только на картинках, а здесь, живые, прямо передо мной. Сказка какая – то!

– Дымок! Дымок! – несколько раз я позвал пса. В глубине сада, за толстыми деревьями, слышалось довольное урчание, стук зубов,

– Какая умная собака? Кушай, кушай, я еще принесу! – услышал я неправдоподобно нежный девичий голос.

Я прошел по тропинке к деревьям, раздвинул кустарники – и увидел моего пса. С довольной, расплывающейся в лукавой улыбке мордашкой, он буквально сметал своим длинным розовым языком с руки девочки, стоящей ко мне спиной, что – то съестное.

– Дымок! Что ты делаешь? Почему без моего разрешения ешь? – раздраженно и обидчиво произнес я. Девочка обернулась на мой скрипучий, как старый журавль в высохшем колодце, голос... Я остолбенел. Перехватило в горле, казалось, я задыхаюсь. На меня смотрело самое очарование, которое можно встретить только в модных журналах. Тонкий стройный стан, легкое розовое платье подчеркивало изящество и пластичность фигуры. Большие голубые глаза с серым переливом в лучах солнца казалось светились золотым пурпуром. Русые длинные волосы, разбросанные легким шаловли-

вым ветерком по плечам, придавали девочке образ воздушной феи.

– Так это твой пес? – голос девочки звучал для меня малиновым мелодичным звоном. – Он очень любить шоколадные конфеты. А бабушке мне говорила, кто любить шоколад, тот добрый и честный, и ему можно вполне доверять.

А Дымок продолжал считать с ладони девочки шоколадные шарики, причмокивая от удовольствия, и роняя капельки слюны на землю. На меня – ноль внимания. «Ну подожди, псина коварная, я тебе устрою дома такой нагоняй» – пронеслось на мгновение в моем сознании. Но девочка, словно прочитав мои тяжелые мысли, сказала миролюбиво:

– Не стоит наказывать собаку. Не ее вина, что не кормили такими сладостями. А собаки, как и дети, очень любят иногда побаловаться сладким.

Конечно, размышлял я, она права, как – то я упустил из рациона пса такой деликатес. Да и устоять перед девочкой с ее сладко – нежным воркованием, не так – то легко. Предложи она мне – в жизнь бы не отказался.

Только промелькнули вот такие задиристые мысли в моей разгоряченной голове, как девочка, я назвал ее про себя «Мальвина», протянула мне несколько шоколадных конфет.

– Бери, они очень вкусные, мне бабушка много передала, – ее голос был для меня слаще всех конфет. На голове девочки красовалась аккуратная мягкая шляпка с широкими полями, вся в розовых и голубых цветах. Ох как она был

хороша! И Дымок думал точно также, я понял это сразу.

– Извините, что мой пес забежал к вам в сад, – оправдывался я, – обычно он слушается меня, но здесь вот кошка все напортила.

– А за что извиняться. Собака очень веселая, радостная, с ней так легко и забавно. Кажется, в компании она незаметный человек, – проговорила девочка, и неожиданно весело рассмеялась. – Что я сказала? Человек? Вот видите, какой у вас пес, с ним приятнее быть, чем с некоторыми скучными людьми.

– Меня зовут Владимир.

– А меня – Арина. Арина Владимировна. Давай дружить: я, ты и твой пес!

Арина протянула мне узкую тонкую ладошку, у нее так это изящно произошло, что я невольно склонил голову и осторожно пожал ее.

– Ну а пса твоего как зовут?

– Дымок

Дымок, услышав свое имя, радостно застучал хвостом об землю. Он даже сделал попытку широко улыбнуться, но разве это можно сделать, когда у тебя вся пасть забита шоколадом!

– Красивое имя, Дымок! Я представила, как у нас дома топится печь, разгоняя зимний холод, а из трубы вьется столбиком белый дым. Очень теплое имя, и кто же придумал?

– Такое имя псу дал я, – не без самодовольства произнес я.

– А я поняла, почему ты выбрал имя Дымок, – произнесла мягким говором нараспев Арина, – потому что у него шерсть серого и голубого цвета. Верно?

«Да, с такой девочкой ушки надо держать наострив. Все мои мысли читает» – с удивлением думал я.

– А давайте пить с конфетами чай, отпразднуем нашу дружбу, – предложила Арина. – Вот здесь у нас столик со стульями, очень удобно – под раскидистым дубом. Садись, я сейчас принесу из дома чайник и бокалы.

Арина показала мне рукой на дуб, сама легко, вприпрыжку побежала дальше по тропинке. Я проводил ее взглядом, любясь изящной фигуркой, увидел небольшой домик со ставнями, окрашенными в голубой цвет. Окна были открыты и нежные занавески болтались под ветром.

Я уселся на один стул, Дымок подполз к моим ногам, приподнял морду, положил ее ко мне на колени, посмотрел детскими невинными глазами в мои глаза, словно прося прощения.

– Да, ладно, – мирно произнес я, – я понимаю тебя. И сам бы не устоял перед такими сладостями, да еще из рук прелестной девочки.

Дымок благодарно потер свой нос о мое колено. Как хорошо, когда тебя понимают и прощают легкие шалости!

Арина уже несла пузатый чайник в одной руке и на подносе в другой – несколько кружек и вазу с конфетами. Поставила все на стол. Все спорилось в ее детских руках. Она

налила чай для меня и себя, придвинула ко мне вазу с наполненными доверху конфетами.

Дымок смотрел на Арину ну просто с обожанием. Так смотрят влюбленные юноши на своих прекрасных девушек! Арина протянула псу конфету, но тот отмахнулся хвостом, дав понять, что он сыт по самое горло.

– Расскажи мне свою историю жизни, – попросила девочка, сев за стол. – Мне кажется, она не очень веселая у тебя.

И я рассказал. Все без утайки. Потому что перед честными и искренними глазами Арины нельзя было что – то скрыть! И потому что Дымок нашел себе еще одного друга, а я – просто влюбился в эту красивую девочку! И потому что давно хотел кому – нибудь рассказать о себе, о маме, о нашей семье. И, конечно, о моей верной и смешной дворняге по имени Дымок.

Глава 15. Дерево Дружбы

Все – все я рассказал Арине. И как мой дедушка строил здесь завод, и как бабушка метнула книгу в медведя. Рассказал, что недавно умерла моя мама, а я записал со слов папы историю ее жизни и выучил наизусть. Еще я сказал, что очень любил маму и теперь скучаю по ней.

Я рассказал, что мы живем с папой и Дымком, которого папа подарил мне в день смерти мамы. И что благодаря моей дворняге я подружился с бабушкой Любой и теперь по субботам помогаю ей убирать в конторе. А у бабушки Любы есть чудесный хомячок Толстячок, с которым очень подружился Дымок.

Рассказал, что на заводе живет овчарка Ника, она настоящий защитник завода, никого не пропустит чужого. Дымок и Ника подружились, и скучают друг по другу. Объяснил, что у меня есть еще один друг – девочка Настя, у которой такое смешное прозвище «Настюшо – брюшко». Она пригласила меня на день рождения.

Рассказал, что я не дружу с мальчишками нашего поселка, они все задиры и забияки, приклеили мне обидную кличку, дразнят прилюдно. Я считаю их в отместку всех тупыми и подлыми трусами. Но теперь мне не скучно, вон сколько у меня друзей!

Я говорил и говорил, порой сбиваясь, начиная заново,

а Арина слушала не перебивая, всем видом давая понять, как ей интересно знать мои истории: она кивала, улыбалась, хмурилась, порой произносила: «Как тебе досталось!»

Я ощущал, что она искренно переживает вместе со мной, что ее сердечко волнуется за меня, несколько раз в порыве жалости Арина трогала мою руку, успокаивая. Как чудесно чувствовал я себя! Я мысленно благодарил Бога и Дымка, что они помогли мне встретить эту прекрасную отзывчивую девочку.

Дымок чувствовал накал моих переживаний, прильнул головой к моим ногам, тепло его носа приятной волной проходило по моему телу – вот таким способом он выражал свою собачью преданность, поддержку моим чувствам.

Солнце ушло из сада, от земли поднялась свежесть, вздохнули облегченно все цветы, травы – зной они переносил с трудом. Чай наш давно остыл, конфеты в вазочке расплавились от жары, но мы с Ариной не замечали этого. Какое – то общее состояние притяжения друг к другу охватило нас. Словно наброшена был незримая сетка, связавшая нас воедино. В мыслях. Чувствах. Словах.

– Я уверена, что мама передала тебе одно чудесное свойство, о котором ты не догадываешься, – произнесла Арина, когда я закончил свою долгую повесть.

– О чем ты говоришь? Мама что – то подобное никогда мне не объясняла.

– Вполне верю. Она и не хотела преждевременно испор-

тить твою судьбу. Поэтому предоставила времени право все поставить на свои места. Думаю, что сейчас как раз и пришел час воспользоваться твоей чудесной способностью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.